

УДК 159.9.01

*В.А. Мазилев***500 ЛЕТ ПОД ИМЕНЕМ ПСИХОЛОГИЯ: НЕЮБИЛЕЙНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
О БУДУЩЕМ**

В статье анализируются особенности трактовки феномена науки в философии науки. Констатируется, что философия науки в качестве идеала принимает естественную науку. В результате при анализе науки *психологии*, которая рассматривается как социогуманитарная дисциплина, важные ее особенности остаются вне поля внимания исследователей, так что в психологии данные анализа, предпринятого философией науки, оказываются невостребованными. Сегодня мы являемся свидетелями того, что косвенно философия науки негативно влияет на ситуацию с психологической наукой. Некоторые положения философии науки, будучи распространены на науку «вообще», становятся мифами, препятствующими реализации позитивных тенденций. Вред от мифов, основанных на вольно интерпретированных выводах из философии науки, заключается в следующем: представляется, что взаимопонимание между различными подходами и школами в принципе невозможно, а это препятствует реализации интеграционных процессов в психологической науке. Психология должна осознать себя наукой фундаментальной, консолидировать силы и отстаивать свою роль в решении общественных проблем.

Ключевые слова: наука, философия науки, психология, методология, фундаментальная наука.

Завершается 2015 год. Термину, давшему нынешнее устоявшееся название нашей замечательной науки, исполнилось полтысячи лет¹. Достижение этой исторической вехи дает некоторые основания для размышлений о перспективах психологии.

Успехи психологии неоспоримы: как научной академической психологии, так и психологии практической (практико-ориентированной). Однако не так всё просто. Уже приходилось писать о том, что роль психологии не учитывается при проведении различного рода наших реформ. Пороки же их состоят в первую очередь в том, что трансформации не продуманы, не системны и даже не комплексны [6]. В них отсутствует даже понимание того, что в центре социальных изменений оказывается человек. До тех пор, пока сам человек и его жизнь не будут полагаться ценностью для организаторов и вдохновителей реформ, пока реформы на стадии их планирования не будут проходить психологическую экспертизу, рассчитывать на позитивный результат попросту наивно. В этом есть некоторая вина психологов, готовых смириться с тем, что психологическую науку то почему-то относят к социогуманитарным дисциплинам, то сомневаются, наука ли она вообще. Как нам представляется, психология должна осознать себя фундаментальной наукой, консолидировать силы и отстаивать свою важную роль в решении общественных проблем. Удивительно, что в XXI в. всерьез идет речь о том, что, вероятно, «в рамках РАН» психология относится к «малым наукам», поэтому академический институт психологии надлежит «оптимизировать», соединив с институтом «от какой-то иной» дисциплины. Ученые и практические психологи всё это спокойно выслушивают. Научная «скромность» в данном случае губительна, а интеллигентское нежелание спорить с невежественными «указивками»,

¹ Выяснилось, что психология именно в настоящее время отмечает юбилей [4], связанный с обретением ею своего имени. Нашему поколению «служителей» науки о «возвышенном и удивительном», как именовал ее великий Аристотель, посчастливилось отмечать столь значительное событие. Термин психология появился ровно 500 лет назад. Этому была посвящена специальная конференция – 500 лет использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic). (См.: Инф. письмо. // Вестн. по педагогике и психологии Южной Сибири. 2013. № 4. URL: www.es.rae.ru/bulletinpp/205-902 (дата обращения: 30.10.2014)). Скажем несколько слов об авторе этого термина. Марко Марулич родился 18 августа 1450 года в Сплите, тогда принадлежавшем Венецианской республике (ныне Хорватия). Поэт, философ, гуманист, создатель хорватской литературы, «отец хорватского ренессанса». Марулич – автор многих трудов на латыни, хорватском и итальянском языках. В 10-х гг. XVI столетия Марко Марулич пишет трактат *Psichiologia de ratione animae humanae* (Психология человеческой души), впервые использовав слово «психология» (на латыни). Труд этот не сохранился, но его название содержится в списке трудов Марко Марулича. Судя по положению в списке, трактат был создан между 1510 и 1517 годами. Таким образом, 500 лет со дня появления термина либо только что исполнилось, либо совсем скоро будет (подробнее об этом см. [4; 6]).

малограмотной власти, принимается последней за согласие с ее чудовищными идеями... Повторим: на наш взгляд, психология должна осознать себя фундаментальной научной дисциплиной, решающей сложные научные задачи и одновременно способной направлять и ориентировать общество на решение важнейших практических задач.

Необходимо сказать о феномене междисциплинарности. Как справедливо отмечают Л.И. Киященко и В.А.Моисеев, «в переживаемое нами время перед философией науки и собственно наукой встали сложные задачи, которые требуют объединения многих дисциплин. Оформляется сфера междисциплинарности. Возникли экологические, технологические, биоэтические и т.п. направления научного исследования, которые требуют согласованных действий и достижения взаимопонимания, установления единых норм поведения. Такого рода теоретико-практические объединения выступают естественным основанием для возникновения и выяснения особенностей функционирования междисциплинарности как одной из форм постнеклассической науки. К указанным особенностям мы также относим следующие. Междисциплинарность как форма объединения современного научного знания возникает как непосредственная реакция на «злободневные», требующие безотлагательного, как правило, в режиме актуального времени решения проблемы. Далее, ситуация неопределенности, и можно сказать загадочности, возникает по сути самого “предмета”. Он как бы уже есть, иначе как бы возникло междисциплинарное общение? Но его же еще нет – он лишь только может возникнуть по ходу и в результате контингентного соглашения на основе формирующегося взаимопонимания, в свою очередь влияющего на особенности междисциплинарного общения, где присутствует встреча различных языков, не только дисциплинарно организованных и не только документированных (письменных)» [3. С. 16-17].

Подчеркнем, что проблема междисциплинарных исследований актуальна и для философии науки, и для философии, и для конкретных дисциплин. Обратим внимание на то, Само использование термина «междисциплинарность» предполагает более или менее четкое представление о дисциплинарности. Не имея возможности здесь обсуждать этот вопрос, отметим, что дисциплинарность понимается нами вслед за М.К. Петровым, выделяющим восемь составляющих любой дисциплины.

В известной статье «Эпистемология междисциплинарных отношений» выдающийся швейцарский эпистемолог Ж.Пиаже [17] различает следующие формы взаимодействия дисциплин:

- 1) мультидисциплинарность как одностороннее дополнение одной дисциплины другой;
- 2) собственно междисциплинарность как взаимодействие дисциплин;
- 3) трансдисциплинарность как построение интегральных структур (например, физика не только неживой природы, но и физика живого, и социальная физика).

Подчеркнем, что для психологии в плане рассматриваемой нами темы важно взаимодействие ее с философией науки, ибо именно в рамках философии науки определяется статус дисциплины, ее принадлежность к определенной группе и т.п.

Философия науки, как известно, представляет собой философское направление, избирающее своей основной проблематикой науку как эпистемологический и социокультурный феномен; это специальная философская дисциплина, предметом которой является наука [2]. Термин «философия науки» (Wissenschaftstheorie) впервые появился в работе небыизвестного Евгения Дюринга «Логика и философия науки» (Лейпциг, 1878). Намерение ученого построить философию науки как «не только преобразование, но и существенное расширение сферы логики» не было им реализовано, однако его терминологическая новация оказалась своевременной [2], поскольку позволяла номинировать тенденцию, набирающую силу. Проблематика философии науки (структура и развитие научного знания) восходит к Платону и Аристотелю. С формированием науки Нового времени философия науки в единстве с теорией познания становится важнейшей областью философского исследования в работах Ф. Бэкона, Декарта, Лейбница, д'Аламбера, Дидро, Канта, Фихте, Гегеля, позже – Б. Больцано, который еще ограничивается фихтеанским термином «наукоучение» (Wissenschaftslehre). Состояние и значение современной философии науки определяется местом науки в обществе, в мировоззрении, а также набором ее внутренних, исторически сформированных понятий и проблем [2]. В качестве особого направления философия науки формируется в трудах У. Уэвелла, Дж.С. Милля, О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Гершеля. Ее возникновение знаменовало собой отчетливую постановку нормативно-критической задачи – привести научно-познавательную деятельность в соответствие с некоторым методологическим идеалом [2].

В настоящей статье не может идти речь о философии науки в целом. Это задача совсем другой работы. Мы будем обсуждать некоторые современные тенденции взаимоотношений между философией науки и психологией. Заметим, что в разные временные промежутки эти отношения были отчетливо различны: И.Г. Фихте, к примеру, психологию откровенно не любил, тогда как Дж.С. Милль всю свою «Систему логики» (1843) мыслил всего лишь как введение к VI книге этого труда «Логика нравственных наук» и попутно обосновывал необходимость существования психологии как отдельной науки...

Поэтому расхождение или сближение психологии и философии науки не должны удивлять. Как часто бывает, трагизм ситуации, выраженный в заголовке нашей статьи, несколько преувеличен: и философия науки, и психология прекрасно себя чувствуют. Относится же этот трагизм лишь к последним этапам их существования. И представляется, что от нарушения взаимопонимания философия науки теряет больше, так как упускает (надеемся, пока) возможность проанализировать уникальную ситуацию грядущего интенсивного развития психологической науки и становления ее как подлинно фундаментальной науки.

Наша задача – попытаться понять, почему так получилось.

Обратимся к некоторым принципиальным установкам философии науки.

1. Философия науки исходит из того, что за образец науки принимает концепции естественных наук. Здесь, впрочем, мы не видим ничего нового и оригинального. Естественнаучное знание считается наиболее развитым, совершенным, и неявно эта модель принимается за общую – науки в целом. Подавляющее большинство исследований в философии науки выполнено на основе физики, астрономии, химии, биологии и др.². Констатируем, что Большая философия науки (философское направление, которое избирает своей основной проблематикой науку как эпистемологический и социокультурный феномен; напомним, это специальная философская дисциплина, предметом которой является наука) исходит из приоритета естественных наук, которые и являют образец *науки в целом*.

2. Философия науки исходит из того, что естественные науки *сложны*. В качестве демонстрации обычно предлагается осмыслить известный феномен корпускулярно-волнового дуализма и принцип дополнительности Н. Бора. Никто не будет спорить – это сложно. Но с другой стороны полезно обратить внимание, что в случае психологии ситуация не только не проще, чем в физике, но во многом сложнее. Поясним это, поскольку сложность психологического исследования в полной мере часто не осознается.

Итак, полезно помнить, что человек, участвующий в психологическом исследовании как испытуемый, обладает сознанием. Следовательно, он имеет возможность рефлексии, поэтому исследование – это не только «субъект-субъектное» взаимодействие, но и, возможно, рефлексивная игра. Была бы мотивация. Отметим, что такая ситуация хорошо описана и проанализирована в научной фантастике. Однако хорошо известно, что человек, будучи сознательным существом, часто поступает нерационально. Причем это явная закономерность – до такой степени, что ученые, осознавшие этот факт и проанализировавшие причины такого поведения человека, заслуженно получили Нобелевскую премию. Но относительно сложности психологии перечисление осложняющих обстоятельств только начинается. Известно с времен З. Фрейда, что между сознанием и бессознательным существуют сложные отношения, причем в конечном счете поведение часто определяется отнюдь не сознанием. И, опять же, существуют защитные механизмы, модифицирующие поведение индивида... С времен К. Юнга хорошо известно, что сознательные тенденции обязательно компенсируются неосознаваемыми... К тому же Э. Берн прекрасно показал, что один и тот же человек может находиться в различных субъективных состояниях и, что тоже важно, переходить из одного в другое.

Кажется, ясно, что в психологии дело обстоит более сложно, чем в естественных науках, можно не продолжать. Мы только обратим внимание на то, что в психологии принципиально по-другому обстоит дело и с детерминацией: психические явления зависимы и от наследственных генетических программ, и от средовых воздействий, и от социокультурных влияний, модифицируются с помощью определенных химических веществ и т.п. Иными словами: психическое значительно сложнее, имеет куда как большее количество степеней свободы. Объект и предмет психологии много сложнее, чем в есте-

² Подразделение на социогуманитарные, естественные, технические носит скорее «прикладной» характер, связанный с организацией обучения в аспирантуре: аспиранты по гуманитарным специальностям не очень понимают, почему они должны изучать столь далекий от их повседневных занятий материал.

ственной науке, чем в социальной³. Поэтому в высшей степени странно, что философией науки эти обстоятельства по сути не учитываются. Во всяком случае отметим, что предлагать упрощенный подход к сложным объектам не только наивно, но и предвзято (согласно народной мудрости, что такая простота часто хуже иного криминала). Не случайно К. Юнг многократно подчеркивал, что время глобальных теорий еще не наступило: «Мир психических явлений есть лишь часть мира в целом, и кое-кому может показаться, что как раз в силу своей частности он более познаваем, чем весь мир целиком. Однако при этом не принимается во внимание, что душа является единственным непосредственным явлением мира, а следовательно, и необходимым условием всего мирового опыта» [14. С. 12].

3. Философия науки весьма специфически определяет и само развитие науки. XX век проходил в полемике между сторонниками кумулятивной модели развития и ее противниками. Действительно, было показано, что в науке имеют место перерывы постепенности, скачки, научные революции. Отметим, что вопрос о кумулятивизме довольно сложен. Представляется, что в пылу дискуссий позиции противоборствующих сторон оказались, чего и следовало ожидать, полемически заостренными. Наверное, ни в какой области знания нет абсолютного кумулятивизма, где бы новые данные лишь наслаивались и дополняли друг друга, равно как трудно себе представить науку, в которой наблюдаются исключительно революции и перманентные перерывы постепенности. Но мы должны хорошо представлять себе *характер* накопления данных в той или иной науке. Опять же отметим, что наличие научных революций в некоторых науках не означает, что в других науках дело обстоит так же. Короче говоря, ситуация классическая: неоправданные обобщения, которые делаются при отсутствии специальной проверки.

Между тем представляется, что определить *характер* накопления данных в той или иной науке не так уж сложно. Достаточно обратиться к истории соответствующей научной дисциплины. Элементарный анализ ее состояния, выявление того, чем она по своей сути является: архивом, отражающим прошлое научной дисциплины, либо действующим арсеналом, собранием методов, нацеленных на решение определенных задач. Как нам представляется, можно использовать универсальный тест. Стоит он в том, что мы оцениваем историю той или иной науки, ее состояние, ее статус для того, чтобы осмыслить характер развития самой науки. Очевидно, что у «более революционной» и у «более кумулятивной» характеристики будут существенно различными.

Итак, если мы обратимся к истории психологии, то обнаружим, что в ней нет не только правильных или неправильных концепций, но даже в более мягком варианте – более правильных или менее правильных. Более ранние концепции не являются менее адекватными, чем более поздние. В истории психологии зафиксированы подходы, до сих пор актуальные и используемые в науке. Иными словами, концепции Фрейда, Адлера и Юнга, к примеру, до сего дня с успехом применяются и в науке, и на практике, сохраняя научную ценность. Становится понятно, что обилие подходов и теорий, объясняющих одно и то же явление, порождается сложностью, многоаспектностью и многоуровневостью, множественностью числа степеней свободы предмета исследования, а не частотой революций.

В истории психологии мы видим радикальные отличия от того, что обнаруживается в истории естественных наук. Там есть теории, относящиеся к прошлому: точно определено, что в таком-то подходе или в концепции устарело, что учтено в последующих теориях, «снимающих» (в гегелевском смысле) предшествующие.

Обратим внимание на то, что психология – не единственная область человеческого знания, где наблюдается такая картина. В философии дело обстоит весьма сходным образом. Известно, что представление о современной философии дает история философии. Аналогично обстоит дело и с искусством.

³ Обратим внимание, что синергетика значительно успешнее, чем в психологии, используется в естественных науках и в науках социальных. Приведем в этой связи выдержку из работы В.Ф.Петренко: «Мощным стимулом изучения нелинейных динамических процессов в психической жизни и ее нейропсихологических коррелятов могла бы стать синергетическая парадигма. Но ее успехи в области психологии пока весьма скромны, и это, на наш взгляд, объясняется тем, что эта парадигма создавалась на материале естественных наук (физики, химии), где на молекулярном уровне действуют законы больших чисел, термодинамические процессы и химические процессы организуют структуры из хаоса, включающего миллионы активных элементов. В психологической науке сходные процессы могут наблюдаться применительно к самоорганизации нейронных ансамблей, насчитывающих миллионы образующих элементов, или в социальной психологии больших групп, где социальные процессы, включающие миллионные массы людей, в силу специфики этих процессов (например, панического поведения) могут рассматриваться как однородные (деперсонализированные) элементы. Применительно же к классу экзистенциальных задач психологии личности (связанных, например, со свободой воли, принятием решения или творческих задач) адекватность синергетического подхода не столь очевидна» [11. С. 436].

Не будем продолжать поиск расхождений между *постулатами* философии науки и *реалиями* психологии. Констатируем, что философия науки, вероятно, хорошо описывает процессы, происходящие в естествознании, но малопродуктивна по отношению к научной психологии.

В свете вышесказанного нас не будут удивлять высказывания методологов науки о том, что психологи странно ведут себя по отношению к понятиям философии науки. Проиллюстрируем это на примере использования термина «парадигма». Это слово используется психологами в таком количестве разных значений и смыслов, что сам термин полностью дискредитируется: большая часть вариантов его использования вообще *не связана* с исходной трактовкой, данной в 1962 г. Томасом Куном.

В учебниках по методологическим основам психологии, включается материал по современной философии науки, термин «парадигма» представляет собой по большей части дополнительную нагрузку на память студента; в лучшем случае – обогащает его эрудицию. Привести примеры из психологии авторам обычно не удастся, поскольку нет позитивного опыта применения этого аппарата в психологической науке.

Вряд ли причина сложившейся ситуации – в косности и лености мысли психологов. Можно объяснить ее тем, что философия науки еще не поднялась до осознания и концептуализации положения дел в психологии. Психология существенно отличается и от других социогуманитарных дисциплин: Аристотель утверждал, что это наука о наиболее совершенном и возвышенном.

Однако мы можем свидетельствовать того, что косвенно философия науки негативно влияет на положение в психологической науке. Некоторые положения философии науки, распространяемые на науку «вообще», становятся мифами, препятствующими реализации позитивных тенденций. Вред от мифов, основанных на вольно интерпретированных выводах из философии науки, заключается в представлении о том, что взаимопонимание между различными подходами и школами в принципе невозможно. Это реально препятствует осуществлению интеграционным процессам в психологической науке.

Приведем пример. В работах У. Куайна, Т. Куна и П. Фейерабенда сформулировано положение, получившее название «несоизмеримости научных теорий», согласно которому, сменяющие друг друга научные теории несравнимы друг с другом и в теоретическом плане, и в эмпирическом, поскольку у них нет общей фактуальной базы. Заметим: это довольно характерная черта некоторых философов – доводить положение до абсурда (см. скептицизм, солипсизм и т.д.). Соответствующая проверка показала, что утверждения о применимости тезиса о «несоизмеримости научных теорий» в психологии не только не обоснованы, но и скорее всего не соответствуют реальности, с которой мы имеем дело в психологической науке [8]. В противоположность утверждениям философии науки может быть сформулирован тезис о «соизмеримости теорий в психологии», основанный на положениях коммуникативной методологии [7]. Утверждение о том, что у разных теорий нет общей фактуальной базы, также нуждается в проверке и уточнении. Ввиду недостаточной разработки проблемы факта в психологии не учитываются особенности его детерминации. Есть основания полагать, что полномасштабный учет уровневой структуры факта позволит по-новому интерпретировать сами факты, которые окажутся соотносимыми в куда большей степени, чем об этом думали ранее.

Таким образом, резюмируем. Философия науки пока не готова к осознанию того, что науки различаются между собой гораздо значительнее, чем принято считать в этой уважаемой дисциплине. При определении различий или сходства стоит учитывать фактор предмета науки. И если учесть многоаспектность и многоуровневость предмета наук о психике, стоит признать, что традиционные схемы представления науки применительно к психологии не вполне адекватны. Неслучайны ростки того движения, согласно которому за неимением *философии психологии* (от философии науки) идет формирование *философии психологии как психологической теоретической дисциплины*. Необходимость в таком знании есть, но производить его философы науки не желают [5-10].

Итак, мы констатируем, что психология постоянно находится в поиске своего подлинного предмета, который пока чрезвычайно далек от завершения. В конце XIX столетия один известный английский физик, выступая перед студентами, выразил им свое сочувствие: «Величественное здание науки построено, на вашу долю не осталось больших дел – только мелкие доработки». Но, как выяснилось чуть позднее, психология и сама физика, далеки от завершенности. Процесс развития идет полным ходом. Вспомним: научная психология заявила о себе как самостоятельной науке во второй половине XIX столетия. Тогда с помощью самонаблюдения и эксперимента изучались лишь ощущения, восприятия и произвольные движения. Научная психология называлась физиологической и изучала лишь простейшие психологические феномены. Вся дальнейшая история психологии в XX столетии – это непрекраща-

щающиеся попытки углубить понимание предмета психологии и расширить границы научной психологии. История психологии – это история поисков предмета ее изучения. Как справедливо заметил М.Г. Ярошевский, цитируя автора статьи в «Британской энциклопедии»: «Бедная, бедная психология. Сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание и теперь испытывает тревогу по поводу поведения» [15. С. 5]. Вместе с тем все эти утраты можно рассматривать и как обретения, поскольку движение к более глубокому пониманию *психического* есть явный прогресс: вместе с каждой утратой очередного предмета становится ясно, что, конечно же, *психическое* есть только что «утраченное», но и, несомненно, нечто сверх того. Поэтому правомерен взгляд на историю психологии как на процесс обретения наукой своего подлинного предмета. По-настоящему фундаментальной наукой психология станет, когда начнет рассматривать психику в ее полном объеме. Для этого придется отказаться от мешающих психологии чужих парадигм (естественнонаучной или гуманистической) и вспомнить о том, что психика – это уникальный научный объект и предмет, к постижению которого вряд ли приложимы в полной мере способы познания, выработанные в других науках.

Уместно напомнить, что про значимость психологии в структуре научного знания в целом говорилось неоднократно. Фридрих Эдуард Бенеке (1798–1854), немецкий психолог и философ, ныне практически забытый, утверждал, что вся философия должна основываться на эмпирической психологии. Близких взглядов придерживался и В.Вундт, полагавший, что психология имеет уникальный предмет – это единственная наука, изучающая непосредственный опыт субъекта, поэтому именно она должна лежать в основе научного знания. Такая рода позиция получила название *психологизм*. В конце XIX в. он был подвергнут резкой критике такими выдающимися представителями психологической науки, как Уильям Джемс, Гуго Мюнстерберг, Вильям Штерн.

С тех пор многое изменилось: психология выделилась в самостоятельную науку, в значительной степени стала «положительной». Классификации наук в XX в. составлялись неоднократно, и почти все авторы недвусмысленно отмечали особое, центральное положение психологии среди других наук. И на новом этапе многие известные психологи высказывали мысли о том, что психология в будущем займет ведущее место в структуре человеческого знания, что она должна стать основой для наук о духе. Одна из наиболее популярных – классификация наук, разработанная отечественным философом и науковедом Б.М. Кедровым (1903–1985), согласно которому, классификация наук имеет нелинейный характер. Кедров выделяет три группы научных дисциплин: естественные, социальные и философские. Схематически можно представить их в виде треугольника, вершины которого соответствуют естественным (верхняя), социальным (левая) и философским (правая). Психология тесно связана со всеми тремя группами наук, а потому располагается внутри треугольника.

Несколько по-иному определил место психологии в системе наук выдающийся швейцарский психолог Жан Пиаже (1896–1980). Традиционно вопрос о связи психологии с другими науками рассматривали в аспекте того, что психология может получить от других наук. Такая постановка вопроса была логичной, поскольку психология – одна из самых молодых наук («математика существует уже 25 веков, а психология едва один век!») [12. С. 128]. В докладе на XVIII Международном психологическом конгрессе (1966 год, Москва) Пиаже поставил вопрос в ином «направлении»: что психология может дать другим наукам?

Ответ Пиаже знаменателен: «Психология занимает центральное место не только как продукт всех других наук, но и как возможный источник объяснения их формирования и развития». Пиаже отмечает, что испытывает чувство гордости по поводу того, что она занимает ключевую позицию в системе наук. «С одной стороны, психология зависит от всех других наук и видит в психологической жизни результат психохимических, биологических, социальных, лингвистических, экономических и других факторов, которые изучаются всеми науками, занимающимися объектами внешнего мира. Но, с другой стороны, ни одна из этих наук не возможна без логико-математической координации, которая выражает структуру реальности, но овладение которой возможно только через воздействие организма на объекты, и только психология позволяет изучить эту деятельность в ее развитии» [12. С. 152]. Плодотворное будущее психологии ученый видит в развертывании междисциплинарных связей.

Как известно, классификации Пиаже и Кедрова подвергались критике, причем в первую очередь – сами основания классификаций и последовательность в их реализации. Обратим внимание на глубокий и пронизательный вывод выдающегося швейцарского психолога: «Несколько лет назад, во время одной дружеской беседы в Академии наук в Москве, Кедров сделал глубокое замечание, над которым я очень много размышлял: “У вас есть тенденция психологизировать эпистемологию, тогда как мы склонны, наоборот, эпистемологизировать психологию”. Он был прав, подчеркивая эту двойственность

тенденций, но я все более и более убеждаюсь в том, что как одна, так и другая тенденция имеют законные основания для существования, и они даже необходимо дополняют друг друга» [12. С. 154].

Мысль о том, что психология занимает ключевое место среди других наук, Ж. Пиаже сохранил до конца своих дней. В одной из последних публикаций он отмечает, что отношения психологии с другими дисциплинами складываются в зависимости от специфики самих этих дисциплин: «Психология занимает ключевое место в семействе наук, что заключается в том, что она зависит от каждой из этих наук, и, в свою очередь, объясняет их особенными способами» [16. Р. 1].

Процесс становления психологии фундаментальной наукой только начинается. Он потребует значительного времени и условий. Как говорил Леви-Строс, XXI век будет веком гуманитарных наук, или его не будет. Можно полагать, что если он будет, то будет в первую очередь веком психологии. Пока делаются первые начальные шаги в этом направлении.

Главное – это то, с чего необходимо начинать. Нужно воплотить новую широкую трактовку психического. В частности, уже подготовлен и издан учебник для будущих психологов [13], при подготовке которого использовано новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека: рассмотрено само понятие «внутренний мир человека»; показано, что «внутренний мир» отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, «внутренний мир» характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы в нем протекают одновременно на двух уровнях – сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром; с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. Внутренний мир как субстанциональная сущность, характеризуется устойчивостью, выступает как пребывающая сущность и ее проявления; как сущее, причина которого в нем самом и существующее как причина самого себя. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются проблемы, которые решает психология.

В заключение кратко остановимся на ближайших перспективах подхода, при котором конструктивно определен предмет общей психологии:

1. В значительной степени преодолевается двойной функционализм, при котором психические процессы рассматриваются как изолированные друг от друга; в свою очередь процессы рассматриваются обособленно от качеств личности. Как можно полагать, характерный для современной психологии функционализм в значительной мере преодолевается: отдельные функции, и личностные качества находят свое место и гармонично соотносятся в рамках внутреннего мира человека.

2. Известный советский психолог П.Я.Гальперин, как мы помним, видел истоки методологического кризиса психологии в том, что сама психология не смогла преодолеть дуализм: «Подлинным источником “открытого кризиса психологии” был и остается онтологический дуализм – признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно – *toto genere* – разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противоположные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя» [1. С. 3]. П.Я. Гальперин полагал, что «с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе» (Там же). Диалектическому материализму, как сейчас понятно, тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии. Описываемый подход, при котором психические явления обретают надежную нейробиологическую основу, как представляется, позитивен, поскольку позволяет по крайней мере избежать редукционизма и физиологизма.

3. Использование широкой трактовки предмета дает возможность сформулировать обобщения, как, насколько можно сейчас об этом судить, весьма надежную основу для психологической практики [5-10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История психологии: период открытого кризиса: Тексты / под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1992. 364 с.
2. Касавин И.Т., Пружинин Б.И. Философия науки // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2010. С. 218-220.
3. Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФ РАН, 2009. 205 с.

4. Кроник А.А. 500 лет использования понятия «Психология» // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2014. № 1. С. 9-14.
5. Мазиллов В.А. Обретшая свое имя. Перспективы психологии. Размышления во время юбилея // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2013. № 4. С. 144-148.
6. Мазиллов В.А. Личность в эпоху социальных трансформаций: психологическая «цена» перемен и проблемы повышения их качества // Психологические новообразования личности в эпоху социальных трансформаций / отв. ред. Н.П. Фетискин, А.И. Субетто, Т.И. Миронова. Кострома: КГУ, 2015. С. 19-22.
7. Мазиллов В.А. Принцип соизмеримости теорий в психологии // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2013. Т. 19, № 4. С. 28-32.
8. Мазиллов В.А. Философия психологии как психологическая дисциплина: страницы истории // Актуальные проблемы психологии развития личности: сб. науч. ст. / под ред. Л.М. Даукши, К.В. Карпинского. Гродно: ГрГУ, 2014. С. 212-217.
9. Мазиллов В.А. О философии психологии // Философия и / или новое интегративное знание – 3: сб. материалов Всерос. науч. конф. / под ред. А.В. Азова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. С. 136-158.
10. Мазиллов В.А. Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 3. С. 87-96.
11. Петренко В.Ф. Психосемантика как направление конструктивизма в когнитивной психологии // Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины. М.: Канон+, 2008.
12. Пиаже Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук // XVIII Междунар. психологич. конгресс. 4–11 августа 1966 года. М., 1969. 168 с.
13. Шадриков В.Д., Мазиллов В.А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 411 с.
14. Юнг К.Г. Аналитическая психология. СПб., 1994. 136 с.
15. Ярошевский М. Г. Наука о поведении. Русский путь. М.: Ин-т практич. психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996.
16. Piaget J. Psychology and other sciences // Ann. Rev. Psychol., 1979. 30. P. 1-8.
17. Piaget J. The epistemology of interdisciplinary relationship // Interdisciplinarity. Problems of teaching and research in universities. P., 1972. P. 127-139.

Поступила в редакцию 22.12.15

V.A. Mazilov

500 YEARS OF LIFE UNDER THE NAME OF PSYCHOLOGY: NON-FESTIVE THINKING ABOUT THE FUTURE

The article analyzes the features of interpreting science in the philosophy of science. It is stated that the philosophy of science assumes physical science as an ideal. The result is that when analyzing the science of psychology, which is regarded as a socio-humanitarian discipline, its important features are out of the attention of researchers. As a result, in the psychology the analysis data undertaken by the philosophy of science are not in demand. Now we are witnessing the fact that the philosophy of science has an indirect negative impact on the situation in psychological science. Some The- ses of the Philosophy of Science, being poorly distributed to science “in general”, become myths that hinder the realiza- tion of positive trends. Note that the damage from the myths based on loosely interpreted findings of the philosophy of science is the following: it appears that the communication between the different approaches and schools is impossible in principle, and it really hinders the implementation of integration processes in psychological science. Psychology has to recognize itself as really fundamental science, to consolidate power and assert its role in solving social problems.

Keywords: science, philosophy of science, psychology, methodology, basic science.

Мазиллов Владимир Александрович,
доктор психологических наук, профессор, заведующий
кафедрой общей и социальной психологии
Института педагогики и психологии
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д. Ушинского»
150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108
E-mail: v.mazilov@yspu.yar.ru

Mazilov V.A.,
Doctor of Psychology, Professor,
Head of Department of General and Social Psychology
Yaroslavl State Pedagogical University
Respublikanskaya st., 108, Yaroslavl, Russia, 150000
E-mail: v.mazilov@yspu.ru